

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

СРЕДА, 5 ОКТЯБРЯ 1932
MERCREDI, 5 OCTOBRE 1932

НОМЕРЪ
50 САНТ.
50 ФРАНЦІИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES". Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO
50 cent
EN FRANCE

СРЕДА, 5 ОКТЯБРЯ 1932
MERCREDI, 5 OCTOBRE 1932

№ 4214

13-е
ANNEE
279

ABONNEMENT AUX « DERNIERES NOUVELLES »
(Partant du 1 et 16 de chaque mois)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ“
(съ 1-го и 16-го каждаго мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France	14	40	75	145
За-границей . . . Etranger	25	70	135	265

Перемѣна адреса — 1 фр. — Changement d'adresse — 1 fr.

Подписка принимается въ Конторѣ газеты
и въ слѣдующихъ, а также по почте.
отдѣленіяхъ.
Цѣна въ Парижѣ и провинціи — 50 сант.
За-границей — 80 сант.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газеты.

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION

Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro: Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal
et dans tous les Bureaux de Poste
Le numéro: Paris et Départements — 50 c.
Etranger — 80 cent.
Annonces: aux Bureaux du Journal

Телефонъ редакціи . . . TURBIGO 81-52
„ конторы . . . ARCHIVES 85-00
„ отд. объявленій. ARCHIVES 84-95 и слѣд.
Ночной телефонъ редакціи (послѣ 9 час. вечера):
PROVENCE 39-44
Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 03

№ 4214

13-Я ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
279

Въра Федоровна Комиссаржевская

«Душа настоящего человека есть самый сложный, и самый важный, и самый важный инструмент. Таких душ не много на свете. Одна из них — та, которую мы хоронили недавно». Так говорил Блок на вечер, посвященный памяти Комиссаржевской.

«У Вѣры Федоровны Комиссаржевской были глаза и голос художника», — говорил Блок. — «В. Ф. Комиссаржевская видела дальше, чѣмъ можетъ видѣть простой глазъ; оттого эти большіе синіе глаза, глядѣвшіе на насъ со сцены, такъ удивляли и восхищали насъ, говорили о чѣмъ-то безмѣрно большемъ, чѣмъ она сама. В. Ф. Комиссаржевская голосомъ своимъ вторила мировому оркестру. Оттого ее требовательный и важный голосъ былъ подобенъ голосу весны, онъ звалъ насъ безмѣрно дальше, чѣмъ содержаніе произносимыхъ словъ. Вотъ почему она сама стала теперь символомъ для насъ. Вотъ почему, десятки тысячъ людей, которые шли за ее погребальной колесницей, десятки тысячъ людей, почти равнодушныхъ ко всему, что было вокругъ нея, — все — таки шли, влекомые тѣмъ незнакомымъ, что стояло за нею, тѣмъ тревожнымъ и страшно интереснымъ, что таитъ въ себѣ имя — Слава».

Но одинъ Блокъ такъ воспринималъ личность Комиссаржевской. Не онъ одинъ вѣрилъ, что «не меркнетъ важная юность такихъ глазъ», что «скрипка такого голоса сливается съ мировымъ оркестромъ». Ни одна актриса, ни до, ни послѣ Комиссаржевской не была предметомъ такого исключительного и безкорыстного обожанія.

Пришла Комиссаржевская на Александринскую сцену въ ореолѣ личнаго несчастья. Скорби воплощенныхъ ею героинь, сплетаясь съ личнымъ ее горемъ, свились клубомъ вокругъ ее головы. Въ словахъ каждой ее героини искали отвѣта ее личной драмы. Глаза и голосъ Комиссаржевской, особенная тревожность ее облика всегда выдавали ее на сценѣ. Если другихъ цѣнили за способность перевоплощенія, — то Комиссаржевскую любили именно за вѣр-

ность разъ избранному образу, какъ если бы она во многихъ отраженіяхъ играла одну и ту же роль. Роль эта была — любовь и страданіе. Устами многихъ героинь, словами многихъ поетовъ она говорила о любви и жертвенной женственности. Она одна могла создать на сценѣ образъ Грэтхенъ, контемплятивный гетевскому. Изъ изображенной Островскимъ жертвы грубыхъ кулацескихъ правовъ она создала свою поэтически-прекрасную «Безприданницу». Она могла вызвать волненіе одними переливами своего глубокаго голоса, — и чтеніе ею нехорошаго «Зеленаго шума» казалось слушателямъ, дѣйствительно, «голосомъ весны». Такъ же, окрашивая особымъ тембромъ каждую интонацію, постепенно раскрывая богатство голоса, Комиссаржевская читала монологи Нины Зарѣчной на первомъ представленіи «Чайки».

Когда Ентій Карповъ, бывшій главнымъ режиссеромъ Александринскаго театра, представилъ автора «Чайки» молодежи, только что вступившей въ труппу исполнителей главной роли, онъ справедливо полагалъ, что соединить два необходимыхъ другъ другу театральныя элемента Чеховъ восхитился на репетиціяхъ, былъ въ восторгѣ послѣ генеральной репетиціи. Дальнѣйшее извѣстно: «Чайка» была дана для бенефиса Левкѣевой, — и ее поклонники, уиѣренные, что артистка выбрала веселую комедію, пришли посмѣяться. Чехову пришлось на себѣ испытать то, что онъ назначилъ по пьесѣ Треняеву, — публика смѣялась въ первомъ актѣ выѣстѣ съ Аркадиной и ее гостями. Подобно Треняеву, Чеховъ не выдержалъ испытанія пылкимъ неуспѣха, которое выпадало на долю многихъ замѣчательныхъ русскихъ драматурговъ: бѣжалъ въ Москву, почти проклиналъ Петербургъ и казенный театр, актерамъ котораго онъ былъ обязанъ своимъ первымъ сценическимъ успѣхомъ въ «Ивановѣ», — и навсегда соединилъ свою судьбу съ Московскимъ Художественнымъ театромъ, ваявшимъ девизомъ приведшую къ нему Чехова чайку. Легенда о «провалѣ» пьесы на казенной

сценѣ укрѣпилась. Между тѣмъ, уже на второмъ представленіи пьесы имѣла успѣхъ.

Впечатлѣніи, полученнаго отъ Комиссаржевской, которая могла бы быть идеальной воплощеніемъ его тревожныхъ героинь, Чеховъ не забылъ.

Онъ поддерживалъ съ ней переписку, хранилъ ее фотографіи, выдалъ съ ней и мечталъ написать для нея пьесу: «Не напишете ли мнѣ для Васъ пьесу? Не для театра, того или другого, а для Васъ. Это было моей давней мечтой». Таковы пьесой сначала должны были быть «Три сестры»: «кончу ее въ сентябрѣ, и тогда приеду Вамъ... не задержу у себя ни одного дня». Но когда «Три сестры» были закончены, Чеховъ отдалъ ихъ Московскому Художественному театру, и сообщилъ Комиссаржевской: — «Пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная. Говорю, неудобная, потому что въ ней, напримеръ, четыре героини и настроеніе мрачнѣе мрачнаго». Онъ снова думаетъ о Комиссаржевской въ пору написанія «Вишневаго сада»: «Пьеса задумана и даже названіе готово». — пишетъ онъ ей, но снова, по окончаніи, приходитъ къ заключенію, что «мой «Вишневый садъ» для Васъ совсѣмъ не подходитъ. Центральная роль — женская, старая женщина, — а остальные мелковаты и грубоваты». Такъ «споей даминичей мечтѣ» — написать для Комиссаржевской пьесу — Чеховъ не исполнилъ. Но вѣру въ ее «славный и симпатичный талантъ», личное восхищеніе ею, онъ хранилъ всегда: «Вы пишете — иду съ той вѣрой, которая, если разобьется, убьетъ по мнѣ» и т. д. — пишетъ онъ ей въ пору ее ухода изъ Александринки. — «Вы правы, но, ради Бога, не ставьте этого въ зависимость отъ новаго театра. Вы вѣдь артистка, а это то же самое, что хоронить моряка: на какомъ бы пароходѣ онъ ни плавалъ, казенномъ или частномъ, онъ всюду, при всѣхъ обстоятельствахъ, остается хорошимъ морякомъ».

Неузнанной прошла мимо Чехова Комиссаржевская въ началѣ своего пути. Передъ концомъ она встрѣтила Блока. Многомъ казалось непонятнымъ, какъ могла Комиссаржевская, дочь своего отца, воспитанная на лучшихъ театральныя традиціяхъ, воспринять въ себѣ такое пламя искренности, бросить въ расцвѣтѣ своей славы

Александринскій театръ и послѣдовать за тогдашними отвлеченными теоріями Мейерхольда, отъ которыхъ она потомъ торжественно отрекалась, уйдя въ послѣднюю «примитивную» поѣздку.

Но за словами Мейерхольда сіяла поэтическая вѣра Блока. На аренѣ, устроенной въ сѣреднѣ Тенишевскаго зала, ставилъ спектакль «докторъ Дампартуто», — Мейерхольдъ и въ честь «Трехъ апельсинныхъ» раскидывалъ апельсины, смѣшно откатывавшіеся къ барьерамъ. Но кто могъ бы улыбнуться надъ крайностями постановки, взглянувъ на прислонившуюся къ входной двери тонкую и скорбную фигуру Блока, съ устремленными впередъ, сияющими вѣрой и готовностью ко вселенской жертвѣ глазами. Комиссаржевская повѣрила его мечтѣ о воплощеніи нереальнаго и въ меттерликовской «Сестрѣ Беатрисѣ» почти достигла ее, полнѣе передвѣвъ въ этой роли внутреннюю чистоту своего подлиннаго облика.

Теперь многимъ правится задавать приличный вопросъ: какъ относилась Комиссаржевская къ «новому искусству»? Отвѣтъ простъ: только такъ, какъ художникъ можетъ относиться къ искусству вообще. Искусства не новаго не бывало, — говорилъ на «героической тризѣ» по ней Блокъ. «Вдохновеніе тревожное, чье мрачное пламя сжигаетъ художника нашихъ дней, художника, который обреченъ чаще невидѣть, чѣмъ любить, оно позволяло ей быть только съ юными; но нѣтъ ничего страшнѣе юности: вѣчная юность сожгла и ее; опрокинулся факелъ; а мы, не зная сомнѣній, идемъ по ее пути: и опрокинутый факелъ юности лучше старыхъ оплавившихъ свѣтъ». Но когда Комиссаржевская умерла, и Блокъ остался наединѣ съ Мейерхольдомъ, онъ скорѣе совсѣмъ отошелъ отъ театра. Не такъ ли полнѣе въ болѣе грандіозномъ мѣстѣ онъ повѣрилъ, что «буря тверды разорвала», а, уйдя, вѣдываясь, что «славы люди, низки тучи». — И гдѣ намъ вѣдать торжества?, отошелъ отъ него и умолкъ окончательно.

Тогда выѣстѣ съ отдавшей свою славу и потомъ самую жизнь Комиссаржевской Блокъ вѣрилъ мечтѣ о новомъ театрѣ, который будетъ «всемирнымъ очагомъ нашего духовнаго возрожденія».

...А голосъ юный

Намъ нѣтъ и плакать о веснѣ, Какъ будто вѣтеръ тронулъ струны, Тамъ въ незнакомой вышинѣ, Какъ будто отступили зны, И бури тверды разорвала, И струнно плачутъ сѣрафимы Надъ міромъ расписавши крыла.

Что въ ней рыдало? Что боролось? Чего она ждала отъ насъ? Не знаемъ. Умеръ вѣнчикъ голосъ, Погасли зѣлды синихъ глазъ.

Тогда, когда еще не ожидали страшной развязки, въ новомъ своемъ театрѣ съ прекрасною труппой, — изъ которой Ураловъ и Корчагина-Александровская позднѣ перешли на казенную сцену, — Комиссаржевская осталась попрежнему актрисой вольнаго вдохновенія, иногда разрывавшей своимъ исполненіемъ сложную съѣтъ режиссерскихъ построений. Было много радостныхъ мгновеній, удачъ, какъ при постановкѣ «Норы», ставшей одной изъ лучшихъ ее ролей. Въ «Норѣ» Комиссаржевская создала не только свою славу, но и славу двухъ крошечныхъ дѣвочекъ — дочерей прекрасныхъ актеровъ ее труппы Александровскаго и Корчагина-Александровской. Съ ними она разучила большую сцену, всюду выставляла свои съ ними портреты и даже отпускала ихъ «на гастроли». Такъ, дѣвочки участвовали въ постановкѣ «Норы» на Императорскихъ драматическихъ курсахъ въ классѣ В. Н. Давыдова. Съ увѣренностью настоящихъ гастролеровъ дѣвочки, старшей изъ которыхъ было не болѣе восьми лѣтъ, указывали на репетиціи планировку, реплики и мѣста своихъ сценъ, а въ промежуткахъ за кулисами плясали вдвоемъ какъ-то, разыгрывали смѣшныя сценки, — и превратились въ обыкновенныхъ дѣтей только тогда, когда восхищеніемъ Давыдова понесъ послѣ спектакля за кулисы два огромныхъ, почти съ нихъ ростомъ, «парижскія» куклы и громадные круглыя коробки шоколадныхъ конфетъ. Уже закутанными въ покрывало завязаннымъ поверхъ шубокъ аренбургскія шаля, дѣвочки повисли на шеѣ Давыдова и, прижимая куклы выѣстѣ съ коробками конфетъ, шопотомъ пообщались все рассказать «тетѣ», — любимую «тетю» Комиссаржевскую онѣ не забыли и тутъ. Въ вознѣ съ этими дѣтьми Комиссаржевская какъ буд-

то утоляла свою жажду материнства. Одна изъ дѣвочекъ потомъ окончила драматическіе курсы, — но какова была ихъ сценическая судьба, намъ неизвѣстно.

Шопоты, проникавшіе въ публику о частной жизни Комиссаржевской, тотчасъ потухали. Ея образъ создавался по ее ролямъ и по тому, что чувлось за ними личнаго. Проникавшіе слухи только прибавляли къ мыслямъ о ней жалость и тревогу, подтверждая ея болѣзненность, ея жизненную слабость, ея личное неблагополучіе. Въ послѣдній своей петербургской квартирѣ, въ небольшой заставленной комнатѣ Комиссаржевская — тонкая, хрупкая, съ немного глухо звучащимъ отъ волненія голосомъ, съ прямо глядѣвшими на собесѣдника необычайными измѣчивыми глазами, въ ореолѣ мелкихъ выходящихъ волосъ, застѣчивая и въ дѣлѣ славы, всегда просто, почти по студенчески одѣтая, — производила обаятельное и не легко забывающееся впечатлѣніе. Послѣ ея смерти мгновенный отбѣтъ родственнаго сходства вызывалъ трепетъ при видѣ ея сестры Надежды Федоровны Скарской-Гайдебуровой, артистки Передвижнаго театра.

Несмотря на всю къ ней любовь, Комиссаржевская, какъ и Стрепетова, не слилась съ Александринскимъ театромъ, оставшись какими-то «мятежнымъ свѣтломъ». Съ перваго своего дебюта на казенной сценѣ, въ роли Розы, въ зудермаповскомъ «Волѣ бабочекъ», она заняла исключительное положеніе, покоря каждой новой ролью. Вѣсть объ ея уходѣ, послѣ шести лѣтъ постоянныхъ успѣховъ, поразила всѣхъ. Уходъ ее и скорая гибель на окраинѣ Россіи казалась потомъ почти естественнымъ финаломъ ея судьбы, — такъ мало вязалась съ ея обликомъ мысль о долгой, ничѣмъ не отравленной жизни въ славѣ.

Умерла она случайно и поздно, коснувшись ковра на самаркандскомъ базарѣ. Разилась тогда основно не она одна, но умерла она. Архалій Павловичъ Зоневъ, замѣчательный режиссеръ ее труппы, отлѣзавшійся только оспинами на лицѣ, никогда не могъ забыть дней своей болѣзни, когда въ соседней комнатѣ лежала Комиссаржевская. Ему сообщали о ней лишь хорошія вѣсти, и только въ моментъ выздоровленія онъ узналъ, что соседняя комната пуста.

Ю. Сазонова.